СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
И ЯЗЫКА
ТОМ 35 · № 4 · 1976

М. Л. ГАСПАРОВ

МЕТР И СМЫСЛ.
К СЕМАНТИКЕ РУССКОГО ТРЕХСТОПНОГО ХОРЕЯ

Стиховедам памятна дата — 1958 год: в этом году вышли «Очерки теории и истории русского стиха» Л. И. Тимофеева и были напечатаны «Стих и язык» и «Строфика Пушкина» Б. В. Томашевского. После многолетнего перерыва, когда стиховедение казалось всеми забытой наукой, это было переломом. Именно с этого времени начинается тот подъем стиховедческих исследований в советском литературоведении, который не прекращается до сих пор. Успехи, достигнутые за эти годы, огромны. Авторы обзора «Стихорусистика-73» подводят им итоги со справедливой гордостью. Но в науке, как на войне, при быстром наступлении передовые части порой отрываются от опорных баз. Тогда на первый план выходят методологические проблемы исследования. Так случилось и ныне: свидетельство этому — статья Л. И. Тимофеева, явившаяся откликом именно на этот обзор.

Упреки, предъявляемые стиховедению со стороны теоретиков литературы, вполне понятны. Вот уже полтораста лет — после кризиса классицистических риторик и поэтик — теория литературы сосредоточила свое внимание преимущественно на изучении образного и идейного строя литературных произведений. Всем хорошо памятен сложившийся тип литературоведческих исследований: подробный и часто превосходный анализ идей и образов произведения, затем короткий «довесок» об особенностях его языка и стиля и, наконец, в лучшем случае — беглое упоминание о том, что оно написано стихами, и притом хорошими. Конечно, это не было подходом к произведению во всей его целостности и системности. Когда это стало ясно, пренебрегаемые стилистика и стиховедение стали утверждать себя собственными силами. (Перелом здесь был почти одновременным: книга В. В. Виноградова «О языке художественной литературы» появилась в 1959 г.) А не находя опоры в традиционной теории литературы, обе эти дисциплины стали искать этой опоры в лингвистике и нашли ее там. Так и получилось, что анализ литературного произведения стал достоянием трех научных дисциплин, работавших весьма несхожими приемами.

Не следует, однако, преувеличивать трагичность такого положения. Целостность литературного произведения вообще не может быть объектом отдельной науки. Нет науки о конкретном литературном произведении в целом, как нет науки о камне в целом, о червяке в целом, о человеке в целом. Целостность бытия постигается лишь целостностью сознания, а всякая наука — лишь один из бесконечно многих аспектов этой целостности. Каждый предмет служит объектом для разных наук; дифференциация и интеграция этих наук — естественный процесс в развитии познания. Нужно только, чтобы эти два процесса шли в ногу, чтобы самостоятельность исследований не мешала взаимопониманию исследователей. Когда теория литературы, исследующая образы и идеи, упрекает стиховедение в том, что его приемы не годны для анализа таких небольших порций материала, как отдельное стихотворение,— она права, и чем скорее сти-